ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ [1].

I.

Императоръ Александръ I въ Ижевскомъ заводѣ въ 1824 году.

ВЪ 1824 ГОДУ, какъ извѣстно, проѣзжалъ чрезъ Сарапульскій уѣздъ, и вообще черезъ Вятскую губернію, блаженной памяти государь императоръ Александръ Павловичъ. Въ Ижевскомъ оружейномъ заводѣ онъ былъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, равно и въ г. Вяткѣ, а я, возвращаясь изъ Московской духовной академіи черезъ Москву, Владиміръ, Нижній и Казань, прибылъ въ Вятку уже въ ноябрѣ, потому нигдѣ не имѣлъ счастія видѣть государя. Но воспоминаніе о его проѣздѣ черезъ Вятскую губернію въ то время, т. е. въ концѣ 1824 года и въ началѣ 1825, такъ было свѣжо въ памяти всѣхъ и каждаго, кто имѣлъ счастіе насладиться лицезрѣніемъ монарха, что, слушая эти воспоминанія, всякій могъ живо воспроизводить въ своемъ воображеніи, какъ и что было при его проѣздѣ.

Нѣкоторыя изъ этихъ воспоминаній рѣзко запечатлѣлись въ моей памяти, въ особенности же разсказъ о пребываніи государя въ Ижевскомъ заводѣ, который я слышалъ отъ моей матушки, умершей въ 1860 году, лично видѣвшей государя императора.

— О проѣздѣ государя чрезъ Ижевскій заводъ, разсказывала она, у насъ (т. е. въ селѣ Нечкинскомъ, Сарапульскаго уѣзда, въ 50 верстахъ отъ Ижевскаго завода), пронесся слухъ почти съ Семенова дня, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, когда это будетъ. Вѣстимо, всѣмъ хотѣлось видѣть царя: вѣдь въ нашихъ краяхъ и слыхомъ не слы-

[1]) Авторъ воспоминаній, изъ которыхъ мы печатаемъ эти отрывки, о. Григорій Утробинъ, род. въ 1803 г., учился въ Вятской семинаріи и по окончаніи здѣсь курса въ 1824 г., былъ посланъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Неволинымъ, въ Московскую духовную академію, которую однако вскорѣ оставилъ по случаю болѣзни. Съ 1826 г. до кончины своей, послѣдовавшей въ 1874 г., о. Григорій занималъ должность сперва священника, а потомъ протоіерея Сарапульскаго Вознесенскаго собора. *Ред.*

хать, что вотъ-де черезъ наше мѣсто можетъ поѣхать царь; даже многіе не вѣрили этому слуху. Но вотъ послѣ Вздвиженья слухи о царѣ начали раздаваться пуще и пуще; стали даже изъ нашихъ деревень выбирать ямщиковъ и лошадей подъ свиту государя и пріучать къ дружной ѣздѣ; раскладывали, примѣрно, огни вдоль дороги и проѣзжали въ ночное время на этихъ лошадяхъ при крикѣ народа, чтобы лошади привыкли не пугаться. Для всѣхъ это было большимъ дивомъ. Наконецъ видимъ, что изъ разныхъ мѣстъ—даже изъ Елабуги и изъ-за Камы—стали проѣзжать повозки съ народомъ, спѣшившимъ ко встрѣчѣ государя, а изъ нашего Нечкинскаго села вытребовали напрестольный крестъ: въ Ижевскомъ-де соборѣ хорошаго креста не оказалось [1]). Вотъ поѣхали и мы съ матушкою (моею бабушкою, старушкою лѣтъ 80-ти) въ Ижевскій заводъ и остановились у зятя-пономаря Василія Захаровича Ардашева. Здѣсь застали мы, тоже пріѣхавшихъ къ встрѣчѣ государя, брата Илью Матвѣевича и о. Стефана Дьяконовыхъ. (Подзаводскіе священники обязательно должны были явиться не только для встрѣчи государя, но и для представленія ему). На другой день, т. е. въ день пріѣзда государева, народу видимо-невидимо толпилось на площади предъ соборомъ и предъ квартирою, назначенною для государя. Вотъ пришли на площадь солдаты и выстроились въ ряды. Наконецъ на площади показался на конѣ самъ начальникъ завода, генералъ Гренъ, началъ разъѣзжать среди народа и учить, какъ встрѣчать государя. „Лишьде появится коляска государева, говорилъ онъ, кричите „ура!“ и бросайте шапки вверхъ!“—„Слушаемъ!“ кричитъ народъ, а у всѣхъ такъ и выскочить хочетъ сердце изъ груди. Вотъ наконецъ звонъ въ одинъ колоколъ прекратился, ударили во всѣ колокола. — „Ѣдетъ, ѣдетъ!“ кричали въ народѣ; тотчасъ очистили дорогу къ церковному крыльцу; по ту и другую сторону стали солдаты; въ дверяхъ церковной паперти показался протоіерей З. Летушевичъ, за нимъ діаконъ со св. водою и кропиломъ, затѣмъ священники всѣ въ полномъ облаченіи. Прошло этакъ съ четверть часа; глядимъ, показались царскія коляски, звонить перестали, и въ народѣ сдѣлалась такая тишина, что муха пролетитъ, такъ слышно. Вдругъ въ толпѣ народа кто-то, видно смѣльчакъ, закричалъ: ура! „Ура!“ загремѣло по всей площади, точно громъ раздался,—и шапки полетѣли вверхъ. Между тѣмъ государь ѣхалъ среди народа тихо, ласково кивая головою на обѣ стороны.

[1]) Въ Нечкинской Богоявленской церкви по сіе время находится этотъ напрестольный серебряный позлащенный крестъ, на ручкѣ котораго съ исподней стороны привинчена серебряная позлащенная дощечка съ слѣдующею вырѣзанною на ней надписью: „Сей св. крестъ 1824 года во время высочайшаго пріѣзда государя императора Александра Павловича въ Ижевскій заводъ какъ при встрѣчѣ его величества у тамошняго собора, октября 4 дня, такъ и на другой день при входѣ къ литургіи, и при отъѣздѣ изъ завода, былъ подносимъ для цѣлованія. Представлялъ сей крестъ на тотъ случай нечкинскій благочинный Евдокимъ Ѳеофилактовъ.

Передъ церковнымъ крыльцомъ коляска остановилась, сначала вышелъ какой-то генералъ и помогъ государю выйдти изъ коляски. Быстро взошелъ онъ на крыльцо, истово перекрестясь, приложился ко кресту и окропилъ себя св. водою, затѣмъ вслѣдъ за протоіереемъ и священниками вошелъ въ церковь. Мы съ матушкою, по ходатайству нашего дьячка, стояли близко паперти церковной и явственно разсмотрѣли государя. Какой же онъ былъ красавецъ, дай Богъ ему царство небесное! и высокъ, и статенъ, и румянъ, а лицо какое доброе и милостивое,—что и сказать не сказать! настоящій земной царь! Всѣ стоявшіе съ нами плакали отъ умиленія, плакали и мы. Да и какъ было не плакать съ радости? удостоились и мы — люди малые и темные— увидѣть царя земнаго — красное наше солнышко! Эту радость, эти слезы и въ могилу я съ собой унесу, прибавляла матушка. (Дѣйствительно, покойная всегда плакала, когда только у ней заходила рѣчь объ этомъ событіи).

— Вышедъ изъ церкви, продолжала она разсказывать, государь на нѣсколько времени остановился на крыльцѣ, ласково посмотрѣлъ на народъ, сѣлъ въ коляску и отправился въ квартиру. Вечерѣло. Изъ квартиры въ этотъ день государь никуда не ѣздилъ. Народъ долго еще толпился передъ дворцомъ, какъ тогда называли квартиру государеву, и наконецъ тихо разошелся по заводу. На другой день народъ опять съ ранняго утра собрался на площади и ожидалъ выѣзда государева къ обѣднѣ. Мы со сватьею Лаврентьевною (это была мать нашего зятя дьячка, старушка весьма оригинальная) не пошли въ церковь, да и попасть туда за тѣснотою было невозможно. Куда намъ старухамъ! И потому радешеньки, что сподобились видѣть государя. — „Пойдемъ, говоритъ Лаврентьевна, посмотримъ-ка, какъ стряпаютъ обѣдъ для государя“—а кухня была не далеко и окнами выходила на площадь. Пошли, и подошли къ самымъ окнамъ, а окна были низко и притомъ открыты. Смотримъ, нѣсколько молодцовъ въ бѣлыхъ фартукахъ хлопочутъ около блюдъ, кастрюлей и жаровенъ, а одинъ, видно начальникъ—досматриваетъ за ними, и серебряною ложкою отвѣдываетъ кушанья то изъ того, то изъ другаго блюда.

— Что вамъ надо, старушки, закричалъ онъ?

— Да вотъ, батюшка, пришли посмотрѣть, какъ царю-то кушанье готовятъ, отвѣчаетъ Лаврентьевна.

— Да такъ же, какъ и вы дома стряпаете обѣдъ для себя.

— Ну гдѣ же такъ! ужъ ты позволь намъ посмотрѣть.

— Съ кѣмъ ты разговариваешь? вдругъ спросилъ его какой-то вошедшій баринъ, такой важный изъ себя.

— Да вотъ пришли какія-то старушки и желаютъ посмотрѣть, какъ готовится кушанье для государя.

— Э! и въ самомъ дѣлѣ старушки, сказалъ онъ, взглянувъ въ окно. Кабы пришли молоденькія, такъ мы не только позволили бы

имъ посмотрѣть въ окно, но и допустили бы сюда, сказалъ онъ и засмѣялся.

— Пойдемъ скорѣе, сватья, сказала я Лаврентьевнѣ, дернувъ ее за рукавъ. Видишь, насъ старухъ здѣсь не любятъ, и ушли.

Послѣ обѣдни государь прямо отправился въ заводскія оружейныя фабрики. Народъ кинулся туда же, и вскорѣ вся плотина покрылась народомъ. Пришли и мы со сватьею туда же, и пробрались до самой коляски государевой. Илья Ивановичъ (всѣ твердо знали, какъ зовутъ кучера государева) ходилъ вокругъ коляски въ какомъ-то глянцевитомъ кафтанѣ и такой же шляпѣ и бѣлымъ полотенцомъ отиралъ прильнувшую къ колескѣ пыль. Сватья моя опять не утерпѣла, подошла къ колескѣ, стала ощупывать ее руками и даже прикладывала къ ней свою щеку, какъ бы цѣлуя ее.

— Что ты, старуха, пачкаешь коляску, сказалъ довольно сердито Илья Ивановичъ; смотрѣть смотри, а для чего пачкать? и спокойно сѣлъ на козла. Опѣшила моя сватья и со стыдомъ отошла отъ коляски.

Долго государь пробылъ въ фабрикахъ, потомъ проѣхалъ въ заводское правленіе, наконецъ въ арсеналъ; народъ повсюду бѣгалъ за нимъ, и то и дѣло кричалъ: „ура! ура!“—весело было слушать! Мы со сватьей опять доплелись до дворца и стали дожидать возвращеніе государева. Наконецъ онъ воротился. Примѣтно начали собирать на столъ, начали бренчать тарелками и приборами, выносить изъ кухни черезъ дворъ блюда и проч. Вдругъ на крыльцѣ показался заводскій генералъ въ красной лентѣ черезъ плечо и со звѣздою на груди. „Эй! молодцы оружейники!“ сказалъ онъ стоявшимъ передъ крыльцомъ жалованнымъ въ кафтаны мастерамъ оружейникамъ,—государь доволенъ вашими работами, и выслалъ меня къ вамъ сказать вамъ свое царское спасибо! а меня, вотъ глядите, пожаловалъ за васъ этимъ царскимъ орденомъ — и указалъ на свою грудь. „Ура! ура!“ рады стараться“ — закричали въ одинъ голосъ всѣ мастеровые, а за ними и весь народъ на площади. Затѣмъ должно быть начался обѣдъ.

Народъ не расходился; забыли всѣ и объ ѣдѣ. Всѣмъ извѣстно было, что государь вскорѣ послѣ обѣда отправится въ путь, и потому всѣмъ хотѣлось еще разъ поглядѣть на государя. И мы со сватьей тоже остались около дворца, хотя и устали до-нельзя и проголодались. Наконецъ стали подъѣзжать къ крыльцу коляска за коляскою, и уѣзжали. Вышелъ и государь, спокойно, милостиво носмотрѣлъ на народъ, сѣлъ въ коляску съ какимъ-то небольшаго роста генераломъ, и тихо-тихо двинулся среди толпы народа къ выѣзду изъ завода. Ударили въ колокола, загремѣло „ура!“, и чрезъ нѣсколько минутъ коляска скрылась изъ вида. Съ отъѣздомъ государя какъ будто всѣ что-то потеряли. Стало грустно! Всѣ стали расходиться. Поплелись и мы со сватьею Лаврентьевной домой. Приходимъ и видимъ, что наша старушка матушка (мать моей матери, о которой было упомянуто выше) куда-то собирается идти и надѣваетъ шубу.

— Куда ты собираешься, матушка?

— Да провожать царя-то.

— Да вѣдь его ужъ проводили, давно уѣхалъ!

— Ахъ, я грѣховодница старая! ахъ я окаянная! что я надѣлала— стала убиваться наша старушка.—Все это виновата ты, Лиза, обратилась она къ хозяйкѣ дома, своей внучкѣ, подожди, говоритъ, бабушка, скоро выйдутъ изъ печи рѣпные пироги; закуси, говоритъ, да пойди провожать царя, а я старая дура и развѣсила уши. Вотъ-те и рѣпные пироги, царя-то и проглядѣла. Эко ты дѣло! Эко дѣло!

Долго еще ворчала про себя наша старушка, а намъ было любо подтрунивать надъ ней.—Вѣдь любое было взять, говорили мы, либо рѣпные пироги ѣсть, либо царя провожать!

— Замолчите вы, трещотки, говоритъ, безъ того мнѣ горько и досадно, а они тутъ же еще подсмѣхаются!...

Прошелъ наконецъ смѣхъ, и намъ, неѣвшимъ цѣлый день, захотѣлось отвѣдать рѣпныхъ пироговъ, и мы дождались только прихода своихъ поповъ, которые, какъ мы узнали, вызваны были во дворецъ для представленія государю, какъ служащіе въ вѣдомствѣ заводскомъ. Пришли и они.

— Ну что, какъ принялъ васъ государь? что говорилъ съ вами?— забросали мы ихъ нашими вопросами.

Наши попы молчатъ и только задумчиво похаживаютъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Да что это, языкъ что ли у васъ отнялся? говоритъ матушка, какъ старшая изъ всѣхъ насъ.

— Небось отнимется языкъ у того, чью руку поцѣловалъ самъ государь, сказалъ Стефанъ Димитріевичъ, садясь на стулъ, и слезы потекли у него изъ глазъ.

— Ужели въ самомъ дѣлѣ цѣловалъ ваши руки царь? кричали мы.

— Въ томъ-то и дѣло, что царь, принимая благословеніе, у всѣхъ священниковъ цѣловалъ руки; такъ не скоро опомнишься и придешь въ себя!

Выслушавъ это, всѣ мы въ какой-то непонятной радости кинулись цѣловать руки священниковъ, желая черезъ то какъ бы насладиться цѣлованіемъ самого государя. Долго еще послѣ этого передавали мы другъ другу, кто и какъ видѣлъ царя, что чувствовалъ при встрѣчѣ его и проч. и проч. и тогда уже принялись за рѣпные пироги. Такъ-то мы сподобились видѣть батюшку нашего царя государя! Дай Богъ ему царство небесное! Вѣдь онъ послѣ этого недолго жилъ на бѣломъ свѣтѣ!—обыкновенно такъ заканчивала свой разсказъ матушка.

II.

Императоръ Александръ I и капитанъ Коротковъ.

По возвращеніи изъ Московской духовной академіи въ 1825 году опредѣлился я учителемъ въ Сарапульское духовное училище. Жалованья по моей должности положено было 85 руб. сер. или 300 руб. асс. Хотя въ то время всѣ жизненныя потребности были крайне противъ нынѣшняго времени дешевы (исключая впрочемъ сахару и чаю), однако такая ограниченная сумма и въ то время была недостаточна для приличнаго содержанія. Потому мы, учителя, вынуждены были искать на сторонѣ средствъ въ прибавку къ своему скудному жалованью, именно прибѣгали къ такъ называемымъ кондиціямъ, т. е. къ обученію дѣтей въ частныхъ домахъ. Сначала я занималъ кондицію у военнаго надзирателя, подполковника Соловьева, но онъ скоро выбылъ изъ нашего города, и я занялъ кондицію у инвалиднаго начальника, капитана Короткова, у котораго обучалъ двухъ малолѣтнихъ дочерей Русской грамматикѣ и ариѳметикѣ. Капитанъ этотъ былъ человѣкъ весьма замѣчательный въ нашемъ городѣ, достаточный, имѣвшій собственный очень хорошій домъ. Старикъ былъ роста высокаго, съ большими сѣдыми бакенбардами, съ громкимъ басистымъ голосомъ, но весьма добродушный и большой хлѣбосолъ. Родомъ онъ былъ изъ сдаточныхъ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда. Скоро мы сошлись съ нимъ на самую короткую ногу. Бывало—старикъ ждетъ-не дождется, скоро ли я кончу лекцію съ его дѣвочками, и потомъ уводитъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ за чаемъ и съ трубкою во рту съ наслажденіемъ разсказываетъ мнѣ о городскихъ событіяхъ, или, что болѣе всего любилъ, про свою военную жизнь. Слушалъ я разсказы его съ большимъ вниманіемъ, и тѣмъ еще болѣе подстрекалъ его, что разсказывалъ онъ весьма занимательно.

Въ одинъ осенній долгій вечеръ зашла у насъ рѣчь о посѣщеніи въ прошломъ 1824 году императоромъ Александромъ Павловичемъ нашего Ижевскаго оружейнаго завода.

— Жалко, сказалъ Коротковъ, что тогда мнѣ не довелось быть въ заводѣ и представиться государю! затѣмъ задумался, и медленно выпускалъ дымъ изъ своей стариковской пѣнковой трубки. — За то я посылалъ туда, добавилъ онъ, свою жену, и она получила отъ монаршихъ щедротъ 2000 руб. асс. Я написалъ съ ней письмо къ Дибичу, и онъ представилъ ее государю императору.

Слушая такую рѣчь, съ удивленіемъ смотрѣлъ я на старика и почти не вѣрилъ своимъ ушамъ. Инвалидный капитанъ, живущій въ нашемъ уѣздномъ захолустьѣ, думаю я, будто бы лично извѣстенъ государю императору, переписывается съ Дибичемъ, и получаетъ, Богъ знаетъ за что, такую значительную сумму.

— Ужели это правда, Михайло Матвѣевичъ,—спросилъ я? Вы не шутите?

— Какая шутка, возразилъ онъ. Да вѣдь жена моя жива,—доказательство. Эй, Катерина Ивановна! пожалуй-ка сюда, другъ мой!—кричитъ онъ, отворивъ дверь своего кабинета.

Приходитъ Катерина Ивановна.

— Вотъ молодой-то человѣкъ не вѣритъ, что въ прошломъ году ты представлялась въ Ижевскомъ заводѣ государю и получила отъ него награду 2000 руб. Увѣрь его!

— Точно, я имѣла счастіе быть на уединенціи у государя, отвѣчала Екатерина Ивановна, усаживаясь на стулѣ вмѣстѣ съ нами.—Мужъ написалъ письмо къ Дибичу. Дибичъ лишь только прочиталъ письмо мужа, и спрашиваетъ: такъ ты жена г. Короткова? Какѣ здравствуетъ твой мужъ? Какъ вы поживаете, и довольны ли своимъ положеніемъ? и проч. Такъ какъ въ письмѣ было выражено желаніе, чтобы я была представлена государю, то онъ тотчасъ же пообѣщалъ доложить обо мнѣ его величеству. Вскорѣ ввели меня въ его присутствіе. Конечно я крайне оробѣла, и едва-едва нѣсколько успокоилась, видя ласковое лицо государя. Вотъ, сколько припомню, мой съ нимъ разговоръ:

— Такъ ты жена Короткова?

— Точно такъ, ваше величество.

— Здравствуетъ ли твой старикъ, и почему онъ самъ не явился ко мнѣ?

— Здравствуетъ, а не явился потому, что не приказано никому изъ служащихъ отлучаться отъ мѣста своей службы.

— Жаль, а хотѣлось бы его видѣть. У васъ есть семейство, дѣти?

— Есть, ваше величество: два сына и двѣ дочери.

— Гдѣ же они? при васъ?

— Сыновья обучаются въ корпусѣ, по милости вашего величества, а дочери малолѣтнія при насъ.

— Хорошо. Я не оставлю ихъ. Прощай. Скажи мужу, что видѣла меня, и что я его помню.

Съ тѣмъ я вышла отъ него, а въ слѣдъ затѣмъ мнѣ выслали отъ государя пачку, въ которой было 2000 руб. асс.

— Ну, что теперь вѣришь моимъ словамъ? спросилъ старикъ-капитанъ съ какою-то торжественностію въ своемъ лицѣ.

— Вѣрю. Но мнѣ все-таки непонятно, какимъ образомъ вы въ капитанскомъ чинѣ лично извѣстны государю и его приближеннымъ, напр. Дибичу?

— Э! да ты вѣдь не знаешь подробностей моей жизни. Вотъ я поразскажу тебѣ, такъ не будешь удивляться.

Изъ послѣдовавшаго разсказа оказалось, что г. Коротковъ поступилъ въ военную службу безграмотнымъ изъ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, и притомъ добровольно за старшихъ своихъ братьевъ, которые были уже женаты и имѣли дѣтей.

Какъ рослый, статный и бравый рекрутъ, онъ немедленно былъ выбранъ въ гвардію. Это было, по его словамъ, въ концѣ царствованія Екатерины II. Въ шведскую войну онъ былъ вмѣстѣ съ гвардейскими полками въ дессантѣ на флотѣ и участвовалъ въ морскомъ сраженіи при Красной горкѣ; въ другихъ кампаніяхъ не бывалъ. „При Матушкѣ Екатеринѣ, говорилъ онъ, служба въ гвардіи была весьма легка,— знай только свое дѣло, а дѣло-то все состояло въ караулахъ, да парадахъ, такъ что мы, гвардейцы, жили, что называется, припѣваючи". Вскорѣ въ гвардейскихъ казармахъ онъ выучился грамотѣ самоучкой, такъ что могъ читать и писать. Но служба пошла совсѣмъ другая, когда вступилъ на престолъ блаженной памяти государь Павелъ Петровичъ. „Тогда, говорилъ Коротковъ, не только мы, солдаты, но и офицеры, и генералы, и даже великія князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ трепетали за каждый парадъ и за каждое ученье. Отъ всѣхъ требовалось знаніе фронтовой службы въ строгой точности. Я, какъ отличный солдатъ, въ то время и деньгу нажилъ, и познакомился со многими дворянчиками, которые сами вызывались учиться у меня фронтовой службѣ, и, какъ люди богатые, не жалѣли денегъ. Такъ между прочимъ познакомился я и съ Дибичемъ, который въ то время былъ въ маленькихъ чинахъ. Онъ очень меня полюбилъ и до сихъ поръ, не смотря на свой высокій чинъ, меня не забываетъ. Дай Богъ ему здоровья"!

— А какъ же васъ узналъ лично великій князь Александръ Павловичъ? спросилъ я.

— Да по той же фронтовой службѣ и выправкѣ. Государь Павелъ Петровичъ, какъ я уже сказалъ, строго требовалъ знанія фронтовой службы отъ всѣхъ, а отъ великихъ князей въ особенности. Вотъ меня, какъ отличнаго солдата, опять повторю не хвастаясь, и опредѣлили къ великому князю дядькою для обученія ружью. Должность у него при родителѣ была самая безпокойная: онъ былъ опредѣленъ генералъ-губернаторомъ С.-Петербурга и безпрестанно долженъ являться къ государю съ рапортами. Такъ чуть бывало удосужится и требуетъ къ себѣ на половину Короткова. Возьметъ въ руки ружье. „Командуй!"— говоритъ. Я и командую, то хвалю, то поправляю его пріемы. Не то вытребуетъ барабанщика и начнетъ маршировать. И это дѣлалось почти каждый день. Такъ какъ же ему не знать меня лично? Однажды, помню, я чрезвычайно его удивилъ. Кто-то изъ приближенныхъ ему сказалъ, что я могу сдѣлать всѣ ружейные пріемы, и не пролить капли воды изъ стакана, который мнѣ будетъ поставленъ на киверъ. Дѣйствительно мы иногда съ товарищами этимъ въ досужее время занимались.

— Правда ли это, Коротковъ? спросилъ великій князь.

— Правда, ваше высочество.

И я, по его приказанію, долженъ былъ сдѣлать эту штуку.

— Браво! молодецъ! сказалъ онъ и захлопалъ въ ладоши.

— Да что и говорить! я, не хвастаясь, очень былъ знаемъ великимъ княземъ. Повѣришь ли, я первый изъ всѣхъ поздравилъ его высочество съ восшествіемъ на престолъ.

— Это какъ случилось? спросилъ я съ изумленіемъ.

— А вотъ я разскажу. Въ ночь, въ которую скончался государь Павелъ Петровичъ, полкъ нашъ долженъ былъ, не знаю почему—не наше было дѣло,—отправиться въ Михайловскій замокъ. Мартовская ночь была темная; стояла оттепель, скользили, падали. Ружья у всѣхъ были заряжены, и всѣ мы были снабжены патронами. По прибытіи туда, вездѣ во всемъ замкѣ, разставлены были караулы, даже у каждой двери. Мнѣ, какъ старшему сержанту, довелось стоять съ двумя рядовыми у дверей въ главной залѣ. Нѣсколько времени все было тихо, но вотъ входятъ въ залу великіе князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ, примѣтно сильно опечаленные. Никто изъ насъ тогда еще не зналъ о кончинѣ императора. Походили по залѣ, поговорили о чемъ-то. Вдругъ подходитъ ко мнѣ великій князь Александръ Павловичъ и, слегка ударивъ меня по плечу, говоритъ:

— Коротковъ! Знаешь ли, вѣдь у насъ государь померъ! А у самого такъ и льются слезы изъ глазъ. Я не сробѣлъ:—Такъ имѣемъ счастіе поздравить ваше величество съ восшествіемъ на прародительскій престолъ! Ура! вскричалъ я громогласно. „Ура“—раздалось во всемъ замкѣ, по всѣмъ карауламъ. — Такимъ-то образомъ удостоился я этого счастія, заключилъ старикъ со слезами на глазахъ.

— Долго же помнитъ государь приближенныхъ къ нему людей, сказалъ я, выслушавъ этотъ разсказъ. Вѣдь это было въ 1801 году, а теперь уже идетъ 1825.

— Да, онъ очень памятливъ, продолжалъ капитанъ. Вотъ я разскажу тебѣ еще одинъ случай, гдѣ выказалась его памятливость. Вскорѣ по восшествіи на престолъ государь пожаловалъ мнѣ чинъ офицера. Въ гвардіи, извѣстное дѣло, по своему происхожденію и воспитанію, я офицеромъ быть не могъ, а въ арміи, послѣ гвардейской службы, служить мнѣ не хотѣлось. Потому я вышелъ въ отставку, уѣхалъ на родину и женился; годъ отъ году стали у меня рождаться дѣти. Вижу—дѣло плохо: Нажитыя деньги расходуются, а вновь ни откуда не прибываетъ. Да сверхъ сего безъ службы и жить мнѣ наскучило. Дай поѣду въ Петербургъ и лично буду просить государя объ опредѣленіи куда-нибудь на службу. Пріѣзжаю въ Петербургъ, но къ несчастію моему государя тогда въ Петербургѣ не было. Онъ былъ заграницею. Что дѣлать? Рѣшилъ дождаться его возвращенія, и поселился въ какой-то убогой квартирѣ. Недѣли черезъ двѣ, или болѣе, не помню, вдругъ въ квартиру мою является жандармъ и объявляетъ, что меня требуютъ въ канцелярію военнаго министра. Что такое? думаю. Зачѣмъ? Являюсь. Меня тотчасъ представляютъ Аракчееву.

— Ты капитанъ Коротковъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Зачѣмъ ты пріѣхалъ въ Петербургъ?

Мнѣ не хотѣлось отвѣчать ему прямо, а хотѣлось представиться лично государю, и я нѣсколько замялся.

— Да говори скорѣе, зачѣмъ именно ты пріѣхалъ въ Петербургъ? Государь изъ-за границы предписываетъ, что, если это тотъ Коротковъ, который служилъ въ такихъ-то годахъ въ гвардіи, то спросить его, зачѣмъ пріѣхалъ, и если о чемъ будетъ просить, то удовлетворить его немедленно и о послѣдующемъ донести при первомъ случаѣ. Въ подтвержденіе мнѣ была показана самая бумага.

— Ну такъ видишь, продолжалъ Аракчеевъ, медлить нельзя. Говори.

— Мнѣ бы хотѣлось занять какое-нибудь мѣсто въ нашемъ городѣ.

— Какое же, городничаго, что ли?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, говорю: городничій, тамъ старикъ и очень любимъ гражданами (Дуровъ—отецъ кавалериста-дѣвицы), да сверхъ сего мнѣ пріятель. Такъ мнѣ не хочется лишить его мѣста.

— Такъ исправника, что-ли?

— Нѣтъ и исправникомъ быть не желаю: очень хлопотливая и отвѣтственная должность.

— Такъ чего же ты наконецъ желаешь? спросилъ онъ сурово и съ нетерпѣніемъ.

— Я желалъ бы занять должность инвалиднаго начальника.

— Давно такъ и сказалъ бы... Изготовить приказъ, обратился онъ къ своему секретарю, а ты приходи завтра за полученіемъ и приказа, и прогонныхъ денегъ.

— На другой день я получилъ то и другое, и вотъ съ тѣхъ поръ доселѣ командую своими инвалидами.

— Это такъ, замѣтилъ я, да не понятно мнѣ, какъ государь, будучи за границею, могъ узнать о вашемъ пріѣздѣ въ Петербургъ?

— Очень просто, батенька. Не знаю, какъ нынѣ водится, а тогда о каждомъ пріѣхавшемъ въ Петербургъ военномъ офицерѣ доводилось до свѣдѣнія государя, даже за границу, въ ежедневныхъ рапортахъ. Потому не мудрено было государю узнать о моемъ пріѣздѣ.

Коротковъ умеръ въ 30-хъ годахъ въ глубокой старости. Мнѣ, въ санѣ священника, довелось участвовать въ его погребеніи и помолиться объ упокоеніи его души. Сыновья его, при жизни матери, пріѣзжали въ Сарапулъ, одинъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника, а другой—маіора. Гдѣ они находятся въ настоящее время, и живы ли, не знаю. Изъ дочерей—моихъ ученицъ—одна была въ замужествѣ за нашимъ городничимъ, маіоромъ Дуровымъ, а другая кажется поступила въ монастырь.

Г. Утробинъ.